

Чехов Антон Павлович

Мужики и Моя жизнь

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
А72

А72 **Антон Павлович Ч.**
Мужики и Моя жизнь / Чехов Антон Павлович – М.: Книга по Требованию,
2025. – 258 с.

ISBN 978-5-521-30197-3

Во 2-м и 3-м изд. загл.: Рассказы: 1. Мужики. 2. Моя жизнь,

ISBN 978-5-521-30197-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

МУЖИКИ.

I.

Лакей при московской гостинницѣ «Славянскій Базаръ», Николай Чикильдѣевъ, заболѣлъ. У него онѣмѣли ноги и измѣнилась походка, такъ что однажды, идя по коридору, онъ споткнулся и упалъ вмѣстѣ съ подносомъ, на которомъ была ветчина съ горошкомъ. Пришлось оставить мѣсто. Какія были деньги, свои и женины, онъ пролѣчилъ, кормиться было уже не на что, стало скучно безъ дѣла, и онъ рѣшилъ, что, должно-быть, надо ѣхать къ себѣ домой, въ деревню. Дома и хворать легче, и жить дешевле; и не даромъ говорится: «дома стѣны помогаютъ».

Пріѣхалъ онъ въ свое Жуково подъ вечеръ. Въ воспоминаніяхъ дѣтства родное гнѣздо представлялось ему свѣтлымъ, уютнымъ, удобнымъ, теперь

же, войдя въ избу, онъ даже испугался: такъ было темно, тѣсно и нечисто. Пріѣхавшія съ нимъ жена Ольга и дочь Саша съ недоумѣніемъ поглядывали на большую неопрятную печь, занимавшую чуть ли не полъ-избы, темную отъ копоти и мухъ. Сколько мухъ! Печь покосилась, бревна въ стѣнахъ лежали криво, и казалось, что изба сію минуту развалится. Въ переднемъ углу, возлѣ иконъ, были наклеены бутылочные ярлыки и обрывки газетной бумаги—это вмѣсто картинъ. Бѣдность, бѣдность! Изъ взрослыхъ никого не было дома, всѣ жали. На печи сидѣла дѣвочка лѣтъ восьми, бѣлоголовая, немытая, равнодушная; она даже не взглянула на вошедшихъ. Внизу терлась о рогачь бѣлая кошка.

— Кисъ, кисъ!—поманила ее Саша.—Кисъ!

— Она у насъ не слышитъ,—сказала дѣвочка.—
Оглохла.

— Отчего?

— Такъ. Побили.

Николай и Ольга съ перваго взгляда поняли какая тутъ жизнь, но ничего не сказали другъ другу; молча свалили узлы и вышли на улицу молча. Ихъ изба была третья съ краю и казалась самою бѣдною, самою старою на видъ; вторая—не лучше

зато у крайней—желѣзная крыша и занавѣски на окнахъ. Эта изба, неогороженная, стояла особнякомъ и въ ней былъ трактиръ. Избы шли въ одинъ рядъ, и вся деревушка, тихая и задумчивая, съ глядѣвшими изъ дворовъ ивами, бузиной и рябиной, имѣла пріятный видъ.

За крестьянскими усадьбами начинался спускъ къ рѣкѣ, крутой и обрывистый, такъ что въ глинтѣ, тамъ-и-сямъ, обнажились громадныя камни. По скату, около этихъ камней и ямъ, вырытыхъ гончарами, вились тропинки, цѣлыми кучами были навалены черепки битой посуды, то бурые, то красныя, а тамъ внизу разстился широкій, ровный, ярко-зеленый лугъ, уже скошенный, на которомъ теперь гуляло крестьянское стадо. Рѣка была въ верстѣ отъ деревни, извилистая, съ чудесными кудрявыми берегами, за нею опять широкій лугъ, стадо, длинныя вереницы бѣлыхъ гусей, потомъ, такъ же, какъ на этой сторонѣ, крутой подъемъ на гору, а вверху, на горѣ, село съ пятиглавою церковью и немного поодаль господскій домъ.

— Хорошо у васъ здѣсь!—сказала Ольга, крестясь на церковь.—Раздолье, Господи!

Какъ разъ въ это время ударили ко всеобщей (былъ канунъ воскресенья). Двѣ маленькія дѣвочки,

которыя внизу тащили ведро съ водой, оглянулись на церковь, чтобы послушать звонъ.

— Объ эту пору въ «Славянскомъ Базарѣ» обѣды...—проговорилъ Николай мечтательно.

Сидя на краю обрыва, Николай и Ольга видѣли, какъ заходило солнце, какъ небо, золотое и багровое, отражалось въ рѣкѣ, въ окнахъ храма и во всемъ воздухѣ, нѣжномъ, покойномъ, невыразимо-чистомъ, какого никогда не бываетъ въ Москвѣ. А когда солнце сѣло, съ блеяньемъ и ревомъ прошло стадо, прилетѣли съ той стороны гуси,—и все смолкло, тихій свѣтъ погасъ въ воздухѣ и стала быстро надвигаться вечерняя темнота.

Между тѣмъ вернулись старики, отецъ и мать Николая, тощіе, сгорбленные, беззубые, оба одного роста. Пришли и бабы—невѣстки, Марья и Ѳекла, работавшія за рѣкой у помѣщика. У Марьи, жены брата Кирьяка, было шестеро дѣтей, у Ѳеклы, жены брата Дениса, ушедшаго въ солдаты, — двое; и когда Николай, войдя въ избу, увидѣлъ все семейство, всѣ эти большія и маленькія тѣла, которыя шевелились на полатахъ, въ люлькахъ и во всѣхъ углахъ, и когда увидѣлъ, съ какою жадностью старики и бабы ѣли черный хлѣбъ, мокая его въ воду,

то сообразилъ, что напрасно онъ сюда пріѣхалъ, больной, безъ денегъ да еще съ семьей,—напрасно!

— А гдѣ братъ Кирьякъ?—спросилъ онъ, когда поздоровались.

— У купца въ сторожахъ живетъ,—отвѣтилъ отецъ, — въ лѣсу. Мужикъ бы ничего, да заливаешь шибко.

— Не добычикъ! — проговорила старуха слезливо. — Мужики наши горькіе, не въ домъ несутъ, а изъ дому. И Кирьякъ пьетъ, и старикъ тоже, — грѣха таить нечего, знаетъ въ трактиръ дорогу. Прогнѣвалась Царица Небесная...

По случаю гостей поставили самоваръ. Отъ чая пахло рыбой, сахаръ былъ огрызанный и сѣрый, по хлѣбу и посудѣ сновали тараканы; было противно пить, и разговоръ былъ противный — все о нуждѣ да о болѣзняхъ. Но не успѣли выпить и по чашкѣ, какъ со двора донесся громкій, протяжный пьяный крикъ:

— Ма-арья!

— Похоже, Кирьякъ идетъ, — сказалъ старикъ, — легокъ на поминѣ.

Всѣ притихли. И немного погодя, опять тотъ же крикъ, грубый и протяжный, точно изъ-подъ земли:

— Ма-арья!

Марья, старшая невѣстка, поблѣднѣла, прижалась къ печи, и какъ-то странно было видѣть на лицѣ у этой широкоплечей, сильной, некрасивой женщины выраженіе испуга. Ея дочь, та самая дѣвочка, которая сидѣла на печи и казалась равнодушною, вдругъ громко заплакала.

— А ты чего, холера?—крикнула на нее Оекла, красивая баба, тоже сильная и широкая въ плечахъ. — Небось, не убьетъ!

Отъ старика Николай узналъ, что Марья боялась жить въ лѣсу съ Кирьякомъ и что онъ, когда бывалъ пьянъ, приходилъ всякій разъ за ней и при этомъ шумѣлъ и билъ ее безъ пощады.

— Ма-арья!—раздался крикъ у самой двери.

— Вступитесь Христа-ради, родименькіе,—запелетала Марья, дыша такъ, точно ее опускали въ очень холодную воду, —вступитесь, родименькіе...

Заплакали всѣ дѣти, сколько ихъ было въ избѣ, и, глядя на нихъ, Сапа тоже заплакала. Послышался пьяный кашель, и въ избу вошелъ высокій, чернобородый мужикъ въ зимней шапкѣ и оттого, что при тускломъ свѣтѣ лампочки не было видно его лица, —страшный. Это былъ Кирьякъ. Подойдя къ женѣ, онъ размахнулся и ударилъ ее кулакомъ по лицу, она же не издала ни зву-

ка, ошеломленная ударомъ, и только присѣла, и тотчасъ же у нея изъ носа пошла кровь.

— Экой срамъ-то, срамъ!—бормоталъ старикъ! полѣзая на печь,—при гостяхъ-то! Грѣхъ какой!

А старуха сидѣла молча, сгорбившись, и о чемъ-то думала; Оекла качала люльку... Видимо, сознавая себя страшнымъ и довольный этимъ, Кириякъ схватилъ Марью за руку, потащилъ ее къ двери и зарычалъ звѣремъ, чтобы казаться еще страшнѣе, но въ это время вдругъ увидѣлъ гостей и остановился.

— А, пріѣхали...—проговорилъ онъ, выпуская жену.—Родной братецъ съ семействомъ...

Онъ помолился на образъ, пошатываясь, широко раскрывая свои пьяные, красные глаза, и продолжалъ:

— Братецъ съ семействомъ пріѣхали въ родительскій домъ... изъ Москвы, значитъ... Первопрестольный, значитъ, градъ Москва, мать городовъ... Извините...

Онъ опустился на скамью около самовара и сталъ пить чай, громко хлебая изъ блюдечка, при общемъ молчаніи... Выпилъ чашекъ десять, потомъ склонился на скамью и захрапѣлъ.

Стали ложиться спать. Николая, какъ больно-

го, положили на печи со старикомъ; Саша легла на полу, а Ольга пошла съ бабами въ сарай.

— И-и, касатка! — говорила она, ложась на сѣнѣ рядомъ съ Марьей, — слезами горю не можешь. Терпи и все тутъ. Въ писаніи сказано: «аще кто ударитъ тебя въ правую щеку, подставь ему лѣвую»... И-и, касатка!

Потомъ она вполголоса, нараспѣвъ, рассказывала про Москву, про свою жизнь, какъ она служила горничной въ меблированныхъ комнатахъ.

— А въ Москвѣ дома большіе, каменные, — говорила она, — церковей много-много, сорокъ сороковъ, касатка, а въ домахъ все господа, да такіе красивые, да такіе приличные!

Марья сказала, что она никогда не бывала не только въ Москвѣ, но даже въ своемъ уѣздномъ городѣ; она была неграмотна, не знала никакихъ молитвъ, не знала даже «Отче нашъ». Она и другая невѣстка Ѳекла, которая теперь сидѣла поодаль и слушала, — обѣ были крайне неразвиты и ничего не могли понять. Обѣ не любили своихъ мужей; Марья боялась Кирьяка, и, когда онъ оставался съ нею, то она тряслась отъ страха и возлѣ него всякій разъ уторала, такъ какъ отъ него сильно пахло водкой и табакомъ. А Ѳекла, на

вопросъ не скучно ли ей безъ мужа, отвѣтила съ досадой:

— А ну, его!

Поговорили и затихли...

Было прохладно и около сарая во все горло кричалъ пѣтухъ, мѣшая спать. Когда синеватый, утренній свѣтъ уже пробивался во всѣ щели, Оекла потихоньку встала и вышла, и потомъ слышно было, какъ она побѣжала куда-то, стуча босыми ногами.

II.

Ольга пошла въ церковь и взяла съ собою Марью. Когда онѣ спускались по тропинкѣ къ лугу, обѣимъ было весело: Ольгѣ нравилось раздолье, а Марья чувствовала въ невѣсткѣ близкаго, родного человека. Восходило солнце. Низко надъ лугомъ носился сонный ястребъ, рѣка была пасмурна, бродилъ туманъ кое-гдѣ, но по ту сторону на горѣ уже протянулась полоса свѣта, церковь сіяла и въ господскомъ саду неистово кричали грачи.

— Старикъ ничего, — рассказывала Марья, — а бабка строгая, дерется все. Своего хлѣба хватило до масленой, покупаемъ муку въ трактирѣ, — ну, она серчаетъ; много, говоритъ, ѣдите.

— И-и, касатка! Терпи и все тутъ. Сказано: «пріидите всѣ труждающіе и обремененные».

Ольга говорила степенно, нараспѣвъ, и походка у нея была, какъ у богомолки, быстрая и сует-